

© 2011 г.

Павел Кохно

доктор экономических наук, профессор
директор Института нечётких систем
(e-mail: pavelkohno@mail.ru)

СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

В статье рассматриваются главные технологические принципы, наиболее важные с точки зрения обеспечения национальной и корпоративной конкурентоспособности. К ним относятся, в первую очередь, принципы, связанные с формированием сознания и организацией управления. Показано, что в постиндустриальном обществе социально-классовые различия будут вызваны, прежде всего, различиями в уровне образования людей, а не их отношением к собственности на средства производства.

Ключевые слова: сознание, технологии, финансы, интеллект.

Предсказывать будущее – дело весьма неблагодарное, ненадежное и во многом гадательное. Тем не менее, можно согласиться со следующим, уже неоднократно высказываемым многими авторами предположением: если нынешнее кризисное развитие человечества не будет остановлено, то удар “о дно” будет страшной силы. Как обострение противоречий в обществе и реальность многих угроз существованию цивилизации, прежде всего возможность техногенной катастрофы, так и поиск новых сфер конкурентных преимуществ и источников развития привели к появлению новой формы глобального управления – *управления человеческим сознанием*. Это стало возможным благодаря главному фактору глобализации – изменению предмета труда. Человек всегда зарабатывал себе на хлеб, изменяя природу. Благодаря информационным технологиям наиболее прибыльным бизнесом становится преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного¹. **Превращение формирования сознания в наиболее выгодный бизнес изменяет сам характер человеческого развития. Если раньше человечество изменяло окружающий мир, то теперь оно перешло к изменению самого себя.**

¹ Кохно П.А., Кохно А.П. Теоретические основы экономики высокотехнологичных предприятий // Общество и экономика, 2010, №12. С. 85-111.

Технологии этого изменения, по аналогии с традиционными высокими технологиями, направленными на изменение окружающей среды – high-tech, получили название high-hume. Первоначально они использовались только для обозначения технологий формирования сознания, однако перспективы генной инженерии позволяют включать в эту категорию все технологии непосредственного изменения человека. Целиком ее последствия еще не осознаны, однако технологии формирования сознания однозначно повышают влияние тех, кто владеет ими, и тех, кто их применяет. Тем самым создается объективно обусловленный технологический разрыв в первую очередь между развитыми и развивающимися странами. Данный разрыв закрепляется и становится практически непреодолимым в силу целого ряда факторов, важнейшими из которых являются так называемые "метатехнологии" – кардинально новый тип технологий, само применение которых принципиально исключает возможность конкуренции с разработчиком. Это своего рода плата за допуск к более высокой эффективности.

Передача технологий встречает значительно больше не только субъективных, но и объективных ограничений, чем передача денег. Главный барьер – образование и благосостояние: необразованный не сможет использовать технологии, даже если ему их продадут, а бедное общество не удержит достаточное количество образованных людей. Это создает объективный технологический разрыв между развитыми и развивающимися странами, который нельзя преодолеть в современных условиях. Данный разрыв закрепляется из-за кардинального изменения ключевых ресурсов развития человеческого общества, происходящего под воздействием информационных технологий: это уже не пространство с жестко закрепленным на нем производством, а, в первую очередь, мобильные финансы и интеллект. Соответственно, эффективное освоение территории – уже не оздоровление находящегося на ней общества, но, напротив, обособление (которое обычно является результатом кризиса) и изъятие его финансов и интеллекта. При этом прогресс более развитого общества идет за счет деградации "осваиваемого", причем масштабы деградации, как всегда при "развитии за счет разрушения", превосходят выигрыш более развитого общества.

Так же, как самые эффективные современные технологии относятся не столько к производству, сколько к управлению (и особенно к формированию сознания), так и новые технологические принципы – далеко не только к традиционным производственным сферам. На основе этих принципов затем формируются технические и поведенческие стандарты, дающие совершенно фантастическое конкурентное преимущество тому, кто

эти стандарты первоначально формирует. Это преимущество так велико и обеспечивает такие прибыли, что позволяет говорить о получении своего рода ренты, аналогичной горной, сельскохозяйственной, интеллектуальной и т.д.

Наиболее эффективной, как показывает практика, оказывается разработка стандартов мышления (стереотипов) и поведения, а уже только потом – технологической деятельности. Соответственно, главными технологическими принципами, наиболее важными с точки зрения обеспечения национальной и корпоративной конкурентоспособности, являются именно те, что связаны с формированием сознания и организацией управления. Технологии стратегического планирования и кризисного управления дают пример наиболее успешного практического воплощения этих принципов.

Производители продукции, создаваемой при непосредственной реализации технологии, также непосредственно контролируют процесс их реализации, хотя и в значительно меньшей степени, чем представители первого "этажа" технологической пирамиды. Ведь в отличие от новых технологических принципов технологии сами по себе в достаточно больших объемах регулярно поступают на открытые рынки, хотя продается обычно не сама собственность на них, но лишь право их использования и иногда ограниченного тиражирования.

Третий, четвертый и последний, пятый уровни технологической пирамиды образуют производители товаров, в той или иной форме использующие разработанные на втором уровне "ноу-хау". Эти уровни плавно перетекают друг в друга по мере упрощения и снижения степени уникальности производимых товаров: от уникальных потребительских товаров, сложного технологического оборудования и высококвалифицированных услуг, поступающих на открытый рынок, но позволяющих производителю полностью контролировать его, к просто сложным и на последнем, пятом уровне, образующем фундамент пирамиды, – к однородным "биржевым", обычно сырьевым товарам или продукции первого передела, рынки которых в наибольшей степени контролируются потребителями и являются поэтому наименее стабильными. Ориентация на них производителя или страны традиционно и вполне заслуженно рассматривается как серьезный фактор стратегического риска.

Распределение стран по "уровням" описанной технологической пирамиды в соответствии с традиционными представлениями носит достаточно устоявшийся характер. Фактически сегодня сложились три группы государств. К первой группе относятся США, доля которых в мировом

ВВП составляет около 30%. Плюс Германия, Великобритания, Франция, Италия, Канада, Япония. Ко второй группе относятся Китай (по итогам 2010 года вторая экономика мира), Индия, большинство "азиатских тигров", стран Латинской Америки, бывшие социалистические страны, Иран, другие нефтяные государства. И третья группа – почти вся Африка, значительная часть Азии и государств бывшего СССР. Если Россия политически на границе первого и второго миров, то экономически тяготеет к нижней границе второго мира. Без реальных и энергичных реформ этот уровень будет снижаться.

Концентрация ресурсов наиболее развитых стран на самых эффективных видах бизнеса, связанных с созданием новых технологических принципов, заставляет рассматривать все остальные потенциально доступные для них виды деятельности как расточительную трату сил и средств. Именно с этой точки зрения следует оценивать постепенный стихийный сброс менее эффективных производств в другие страны.

Наиболее существенным, хотя и наименее пока заметным рычагом структурной перестройки американской экономики является именно концентрация всех ресурсов (как стихийная, так и сознательно направляемая государством) на развитии наиболее эффективной деятельности – создания новых технологических принципов.

Сегодня 33 крупнейшие компании мира, штаб-квартиры которых находятся в США, владеют более 70% всех котирующихся на бирже акций. В абсолютных цифрах это составляет почти пять триллионов долларов. А в мировом масштабе на долю пяти стран – США, Японии, Великобритании, Германии и Франции – приходится девяносто процентов крупнейших корпораций на планете.

Инструментом выдавливания из американской экономики относительно неэффективных видов бизнеса, которые расточительно используют всегда ограниченные ресурсы и характеризуются упущенной прибылью, является глобальная конкуренция. Осуществляемая в ее процессе структурная перестройка экономики выражается не только в стагнации ряда технологически простых отраслей собственного материального производства, но и в отставании американских представителей второго и третьего "этажей" технологической пирамиды в производстве целого ряда сложно-технических товаров и технологий от своих ближайших конкурентов. Конкуренция внутри уровней технологической пирамиды ведется за рынки сбыта, и чем выше уровень, тем менее интенсивна эта конкуренция по описанным выше технологическим причинам. Между уровня-

ми технологической пирамиды идет конкуренция за ресурсы, причем из-за того, что каждый следующий более высокий уровень более эффективен, она становится заведомо безнадежной для менее развитых участников. "На уничтожение" ведется именно эта конкуренция. Именно она наиболее значима с точки зрения международного развития, именно она подразумевается в первую очередь под "глобальной" конкуренцией.

Какие существуют альтернативы данному процессу? Первый путь – расширение масштабов рынков. Открытие национальных экономик для международной конкуренции придало прогрессу США и Великобритании импульс, сделавший их лидерами технологического развития человечества – единственными странами, постоянно генерирующими новые технологические принципы в широком круге отраслей. Но сегодня монополии носят уже мировой характер – и в принципе нет конкуренции, для которой можно было бы "по старым рецептам" открыть мировую экономику. Второй – качественный технологический рывок. Этот путь, в отличие от первого, носит слабо предсказуемый, нерегулируемый и весьма разрушительный характер. Это вызвано кардинальным повышением производительности труда, в результате которого значительная часть занятых лишается работы и средств к существованию в сроки, не позволяющие самостоятельно адаптироваться к изменению и освоить новую профессию.

Необходимый для слома глобального монополизма технологический рывок может быть осуществлен за счет существующего сегодня целого класса "закрывающих" технологий, названных так потому, что емкость открываемых ими новых рынков в краткосрочной перспективе существенно ниже емкости рынков, которые "закрываются" в результате вызываемого ими повышения производительности труда. Массовый выброс "закрывающих" технологий на мировые рынки и их почти неизбежное внедрение вызовет резкое сжатие всей индустрии, что приведет к катастрофическим последствиям для большинства стран.

Выиграют лишь страны, находящиеся либо на постиндустриальной (как США и, возможно, Великобритания), либо на доиндустриальной ступени развития, – в них не произойдет массовых сокращений производства, и они получают дополнительные шансы за счет резкого ослабления индустриального мира.

В числе выигравших окажется и вполне индустриальная Россия – прежде всего как владелец и основной продавец "закрывающих" технологий. Ясно, что это принесет не только деньги, но и колоссальный политический ресурс, поскольку решение, какую технологию из "ящиков Пан-

дору" и в каких объемах выпускать в мир – и, соответственно, в каких отраслях развитых стран и в каких объемах сворачивать производство, будет принадлежать России. Однако Россия выиграет и как страна, в которой в результате катастрофической реформы объемы производства упали ниже уровня минимального самообеспечения: в этих условиях кардинальный рост производительности во многом приведет не к перепроизводству, а всего лишь к импортозамещению на российском рынке.

Следует понимать, что **без использования потенциала "закрывающих" технологий Россия практически не имеет приемлемых долгосрочных перспектив.** Плохой климат – хозяйственная деятельность ведется в России в самых холодных условиях в мире – обуславливает издержки производства, значительно большие (вследствие намного больших энергоемкости производства и калорийности питания), чем в остальных странах мира. Кроме того, неисправимое в краткосрочной перспективе плохое качество управления приводит к дополнительному повышению издержек¹.

В результате концентрация на любом относительно простом производстве является для России исторически безнадежной, способной привести исключительно к банкротству. Россия может концентрироваться только на сложном производстве (выпуске особо сложной продукции – количество технологических переходов более 10), чтобы положительная интеллектуальная рента превышала отрицательную климатическую и управленческую.

Природно-климатические (географические), экологические, социокультурные факторы, в частности религиозные факторы, являются как бы внешней силой, оказывающей воздействие на генезис того или иного типа хозяйствования и характер его дальнейшего развития. Причем, природно-климатические и социокультурные факторы наибольшее воздействие оказывают на начальных этапах развития исторических форм хозяйствования, затем их влияние, хотя и не перестает постоянно действовать, может постепенно ослабляться. Экологические же факторы, напротив, наиболее рельефно обнаруживают себя на зрелых стадиях развития рыночной экономической системы, когда техническая оснащенность производства достигает огромных масштабов.

¹ Кохно П.А. Главное противоречие между трудом и капиталом в современной России // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16743, 11.08.2011.

Вместе с тем кроме указанных факторов существуют и внутриэкономические причины, способные радикальным образом трансформировать рыночный тип хозяйствования. При ближайшем рассмотрении оказывается, что рыночная экономика становится реальностью только тогда, «когда производительные силы общества достигают определенного уровня развития, и перестает быть таковой, когда развитие производительных сил далеко превосходит этот уровень». Сегодня немало авторов как на Западе, так и на Востоке уже не рассматривают рыночную экономику в качестве вечной внеисторической формы хозяйствования. Напротив, **они все настойчивее выдвигают и обосновывают тезис о том, что грядущее постиндустриальное общество будет принципиально нерыночным или безрыночным**, что у рыночной экономики даже в тех странах, где она исторически возникла и получила благоприятные условия для своего развития, есть свой срок жизни, который по мере движения этих стран к постиндустриальному обществу подобно шагреновой коже непрерывно сокращается.

В этом плане весьма характерной является книга И. Ставинского «Капитализм сегодня и капитализм завтра», которая была опубликована в 1995 году в США. В ней автор называет капитализм «самой передовой экономикой»¹, но при этом считает, что в недрах данной экономики зреет ее самоотрицание. Согласно ему уже сегодня из-за роботизации и автоматизации «самая передовая экономическая система» все больше запутывается в неразрешимых противоречиях, единственный выход из которых он видит в замене частного капитала общественным капиталом и государственным управлением. Все дело оказывается в том, что «невидимая рука» рынка, т.е. законы капиталистической рыночной экономики, перестают в настоящее время справляться со своими регулирующими задачами и уже наверняка окажутся беспомощными завтра. При этом Ставинский свою мысль о закате рыночной экономики основательно аргументирует и обосновывает. В частности, он показывает, что дальнейшее внедрение в производство науки как непосредственной производительной силы приведет к быстрому возрастанию производительности труда, что обернется новыми миллионами выброшенных на улицу трудящихся. А это, в свою очередь, резко сократит емкость внутреннего рынка и неизбежно потребует от общества уже не «невидимой руки» рыночного регулирования, но общественно-сознательного управления экономическими процессами.

¹ И. Ставинский. Капитализм сегодня и капитализм завтра. – М.: Изд. УРСС, 1997. С. 45-49.

Необходимо отметить, что разговор о закате капиталистической рыночной экономики далеко не новый. Еще несколько десятилетий тому назад А. Тоффлер в своей книге «Столкновение с будущим» высказал мысль о неизбежном закате индустриализма как наиболее адекватного фундамента рыночной экономики. Другой крупный американский исследователь Э. Фромм поставил под вопрос главное достижение развитого индустриализма – «общество массового потребления». В работе с весьма выразительным названием «Иметь или быть?» он показал, что: во-первых, бесконечная смена потребительских товаров не обеспечивает человеку не только счастья, но и даже душевного равновесия, чувства удовлетворенности; во-вторых, индустриализм привел к беспрецедентной бюрократизации общественной жизни, превратив человека в ничтожный винтик огромной бюрократической машины (мегамашины); в-третьих, «общество массового потребления» обернулось неслыханной манипуляцией мыслями, чувствами и вкусами людей, тотальным контролем средств массовой информации над частной и общественной жизнью; в-четвертых, потребительское изобилие коснулось лишь ограниченного числа стран, пропасть между богатыми и бедными странами увеличивается все нарастающими темпами; в-пятых, технический прогресс создал угрозу ядерной войны и опасность для окружающей среды и т.п.¹. Итог рассуждений Фромма таков: в индустриально-потребительском обществе человек чувствует себя усовершенствованной «вещью», зависимой от внешней силы, которая определяет смысл его жизни, т.е. находится в состоянии отчуждения, порожденного экспансией индустриальной системы.

Среди серьезных ученых сейчас мало кто верит в то, что дальнейший прогресс человечества связан с продолжением традиционного для Запада промышленного развития. Ныне надежды и помыслы многих футурологов обращены к постиндустриальной перспективе, которая несводима к трансформации прежних порядков, а представляет собой формирование совершенно нового социального устройства. *Исследователи в переходе от индустриального к постиндустриальному обществу усматривают, прежде всего, переход от следования рыночным принципам к постэкономическим ценностям и активному социальному регулированию, преодоление массового производства и потребления, радикальное изменение прежних методов и форм труда и максимальное использование творческого потенциала работников, формирование нового типа семьи и новых*

¹ Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1990. С.8-11.

форм социального партнерства, повышения роли знания и изменение системы образования и т.п.

Интересно в этом плане то, что уже в сегодняшнем позднекапиталистическом обществе собственность остается только «юридической фикцией». И дело здесь вовсе не в том, что возникают новые формы собственности (коллективная собственность, собственность персонала фирмы и т.д.), что происходит преодоление воздействия частной собственности на экономику путем ее рассредоточения среди мелких собственников, а в том, что идет формирование собственности на знание и информацию, которые становятся нераздельно связаны с теми, кто их производит. В данной ситуации отделение труда от капитала становится весьма затруднительным. На практике это означает то, что **в современных западных странах уже довольно рельефно обнаружилась тенденция к соединению труда и средств производства.**

В результате действия указанной тенденции на наших глазах возникают общества, «в которых человек, — как отмечает В. Иноземцев, — не зависит в той степени, в какой это имело место в индустриальной цивилизации, от собственности представителей господствующего класса на средства производства, так как главным из них становятся знания, неотделимые от человека, а условия их развития и применения оказываются все более доступными»¹.

Значение всех этих процессов исключительно велико уже сегодня и будет еще более весомым завтра. Совсем не случайно поэтому то внимание, которое уделяется западными футурологами автономным (семейным или индивидуальным формам деятельности), примером чего могут служить размышления Тоффлера об «электронном коттедже» — некоем аналоге семейного хозяйства, основанного на новейших технических достижениях.

Из сказанного следует, что **в постиндустриальном обществе социально-классовые различия будут вызваны, прежде всего, различиями в уровне образования людей, а не их отношением к собственности на средства производства.**

В принципе, даже без особых апелляций к будущему, исходя только из сегодняшних реальностей, можно уже достаточно определенно утверждать: *нерегулируемая рыночная экономика* ушла в прошлое во всех эко-

¹ В.Л.Иноземцев. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществознания // Вопросы философии, 1997, № 10.

номически развитых странах. Вместе с ней ушел в прошлое и классический капитализм. **Сегодня, в странах Запада рыночная экономика не только не является тотальной, всеохватывающей (поддерживание функционирования ряда важнейших сфер жизни общества уже давно осуществляется без ее участия), но и выступает как достаточно жестко и эффективно регулируемая государством и другими общественными субъектами,** такими, как профсоюзы, общества потребителей, органами местного самоуправления и т.п.

В свете изложенного, весьма странным, парадоксальным и непонятным является факт, что в то время, когда принципы рыночной экономики во всех западноевропейских странах являлись главным источником хозяйственного прогресса, советские экономисты в течение ряда десятилетий их неустанно критиковали и отвергали, а теперь, когда Запад активно ищет новые формы жизни, оставляя позади принципы индустриализма, Россия и вслед за нею многие другие страны, взяла за образец тип экономического развития, который уже исчерпал себя, и тем самым вновь встала на путь, противоположный пути стран, достигших наиболее высокого уровня экономического развития.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что становление и развитие постиндустриального общества – процесс весьма сложный и противоречивый. Сегодня судьба этого общества как глобального феномена зависит не только от развитых стран, воплощающих технологическую волну современной цивилизации, но и в существенной степени от того, как пойдут дела во многих других странах, в частности, от того, какие процессы возобладают на «одной шестой части суши».

Все дело в том, что в условиях «пределов роста» для существующей ныне модели развития производительных сил общества и превращения, хотя, возможно, и временного, биполярного мира в однополярной, перед Западом возникла вполне реальная дилемма: либо в корне изменить вектор своего развития и перестроить свое поведение в духе экологических приоритетов и ограничений, т.е. активно двигаться в сторону постиндустриального общества, либо попытаться отодвинуть «пределы роста» для себя за счет новых геополитических переделов, т.е. попытаться сохранить привычный образ жизни и достигнутые стандарты потребления посредством извлечения выгод из связей с другими странами, в том числе восточнославянскими, богатыми сырьевыми ресурсами, интеллектуальным и кадровым потенциалом.

Сильная Россия объективно будет способствовать ускорению перехода от индустриального общества к постиндустриальному и связанной с этим смене самой парадигмы развития. Напротив, слабая Россия может

стать ресурсным донором для западноевропейских стран устаревшего, эколого-опасного типа развития. Страны СНГ, и прежде всего Беларусь, Россия и Украина, проводя политику модернизации, должны **ориентироваться на основные тенденции, присущие современному цивилизационному развитию**. Они должны отказаться от эпигонской концепции и «догоняющего развития» и исходить из стратегии «опережающего развития», «опережающего порядка». Их задача – совершить инновационный скачок в постиндустриальное, возможно, принципиально нерыночное общество. **Однако путь к постиндустриальному обществу как относительно отдаленной цели, очевидно, должен пролегать через смешанную, социально ориентированную экономику, через комбинацию рыночных и нерыночных факторов, конкуренции и сотрудничества, эффективности и справедливости, частных и общих интересов, индивидуальности и коллективности, самоорганизации и организации** – этих, хотя и противоречащих друг другу, но не взаимоисключающих сущностей. Их надо не абсолютизировать и противопоставлять, а, следуя принципу дополнительности, рассматривать вместе. Причем, в каждом конкретном случае мера сочетания рыночных и нерыночных факторов должна соотноситься с объективными природными условиями, с традициями, ментальностью и историческим опытом того или иного народа. Политиков, которые при решении этой сложнейшей задачи будут впадать в крайности, то есть делать ставку или исключительно на механизмы рыночной саморегуляции, или, напротив, полностью их игнорировать и уповать только на собственную политическую волю и государственное администрирование, неизбежно ждет крах.

Смешанная социально ориентированная экономика, где общественная и частная собственность сосуществуют и дополняют одна другую, не есть нечто неожиданное и ранее неизвестное. Уже давно многими авторитетными исследователями и политиками было отмечено, что в развитых странах идет процесс активного формирования синтетического общества как противоречивого единства капиталистических и социалистических принципов. «Симбиоз капитализма и социал-демократии» (О. Лафонтен); «Столетие социал-демократии» (Р. Дорендорф); «Социалистическое одомашнивание капитализма» (Ю. Хабермас) – вот лишь некоторые определения этого общества. Сегодня все указывает на то, что социалистический и капиталистический принципы могут весьма эффективно дополнять друг друга. Нацеленность на социалистические ценности и идеалы сдерживает эгоцентрические проявления буржуазного индивидуализма, вынуждает господствующие слои в обществе проводить социально ориентированную политику. С другой стороны, буржуазно-либеральная устремленность к автономии личности, к ее индивидуальной свободе и неза-

висимости служит своего рода противоядием от превращения коллективистских установок в средство подавления индивидуально-личностного начала в человеке, от полного господства общественного над личным, что, как правило, было присуще практике построения социализма. Причем России с самого начала нужно отказаться от перевода на рыночную систему хозяйствования тех сфер производства и жизни общества, которые обеспечивают доступ к информации и знаниям, к воспроизводству духовно-нравственного и образовательного потенциала народа. Необходимы также механизмы противодействия всевластию рынка в сельском хозяйстве, оборонной промышленности, в строительстве и распределении жилья, в сфере медицины и т.п.

Следует также учитывать, что регулирование и планирование становятся важнейшими измерениями современной цивилизации. Они, хотя и по-разному, проявляются сегодня в любой социальной системе. Это – общая тенденция. Во всем мире по мере усиления интеграционных процессов роль планирования, программирования и регулирования возрастает.

Нельзя не признать, что русский космизм – уникальной духовный феномен конца XIX-XX веков, бесспорно предвосхитил современную коэволюционную парадигму науки – идею соразвития человека, социума, природы и выдвинул свою социокультурную альтернативу западноевропейскому антропосоциотризмизму, отрывающему человека от природы, социум от космоса, западным принципам жизнеустройства, породившим эгоистически потребительское отношение к миру. Отстаивая идею мира как живого целого, он тем самым подготовил почву для утверждения в современной науке чрезвычайно перспективной и плодотворной гипотезы о самоорганизующемся космосе, выступающем не как мертвый механизм, а как живой организм. В этом их непреходящая заслуга.

Философия русского космизма обосновала чрезвычайно плодотворный принцип онтологического равенства космоса и человека. Она отвергала как мировоззренческие установки Востока на всеохватывающий коллективизм, так и установки западного сознания на эгоцентрический индивидуализм. «В ней, – как подчеркивает В. Степин, – была предпринята достаточно дерзкая, опережающая свой век попытка синтезировать эти противоположные подходы и предложить идею взаимной корреляции двух различных векторов человеческой активности»¹.

¹ Степин В.С. Российская философия сегодня: проблема настоящего и оценки прошлого // Вопросы философии, 1997, №5.

Трагедия истории заключается в том, что победившие большевики-марксисты грубо и бесцеремонно пресекли линию духовного развития человечества, представленную самобытной славяно-русской религиозно-философской мыслью. Вместе с тем они установили жесткие запреты на любые, даже самые незначительные, попытки воссоздания духовной и реальной альтернативы техногенной цивилизации, ее инструментально потребительскому отношению к миру. Более того, социентистско-технократический подход к окружающему миру большевики довели до логического конца, до абсурда (поворачивание рек, гигантомания, чисто технический подход к решению социальных проблем и т.д.). Возможно, что после краха тоталитарной социалистической системы и в силу очевидной бесперспективности прозападных стратегий развития, уникальное «духовно цивилизационное Я» восточнославянских народов сможет наиболее адекватно себя выразить на пути движения к духовно-экологической цивилизации третьего тысячелетия. «Космогонический» процесс образования новых цивилизационных моделей не закончился, история остается открытой для творческого поиска неизведанных путей развития.

Представляется, что духовный и практический прорыв к новой цивилизации, по крайней мере, на начальных его стадиях, будет вероятнее всего осуществляться отдельными народами, оказавшимися способными в силу своих внутренних потенций дать адекватный ответ на «вызов среды». Возможно, что этот процесс какое-то время будет вдохновляться идеалами этноцентрической окраски. И только потом, уже на основе новых решений, начнется интеграция народов в качественно новую общность.

Большинство аналитиков считает, что на повестке дня человечества стоит задача осуществления нового цивилизационного прорыва, позволяющего уйти от усиливающихся угроз самому существованию человечества. Полагаю, есть основания считать, что Россия способна и должна занять ведущие позиции в этом процессе. При этом России предстоит консолидировать те страны, прежде всего соседние с ней, которые тяготеют или станут тяготеть к выполнению этой миссии. Для этого потребуются новые инициативы консолидирующей направленности. Сегодня такой инициативой является прежде всего создание **Таможенного союза**. Поэтому заслуживает особого признания активность Н.А. Назарбаева, уже не раз выступавшего с инициативами по укреплению ядра СНГ.

Необходимо подчеркнуть, что любые прорывы и успехи наших стран, их устойчивое положение и достойное место в мировом раскладе сил, в формирующейся сегодня сложной и противоречивой геополитической обстановке могут быть достигнуты только при условии их тесного экономического, политического и военного союза.